

ГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ И РЕАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ГОРОЖАНКИ В РОССИИ СТО ЛЕТ НАЗАД

Любое общество во все исторические эпохи имеет свои социокультурные стереотипы. Как известно, они выполняют несколько функций, регулируя, наравне с другими институтами, жизнь социума. Одной из важнейших функций, по мнению ученых, является защита существующих порядков, сложившейся системы социальных отношений. В российском обществе второй половины XIX - начала XX века существовал определенный порядок взаимоотношений между обществом и государством, сословиями, мужчинами и женщинами. Представляется интересным рассмотреть социокультурную ситуацию в России с точки зрения функционирования гендерных стереотипов.

Пореформенная Россия, как известно, находилась в переходном состоянии. Господство патриархального уклада после крестьянской реформы было нарушено активным развитием буржуазных отношений, формированием новых социальных слоев, появлением новых элементов культуры. Однако в области духовных ценностей, идеологических установок значительным влиянием, по-прежнему, обладала церковь, отстаивавшая незыблемость традиционных христианских идей.

Церковь оказала огромное влияние на формирование в обществе представлений о назначении, роли и месте в обществе мужчины и женщины. Как известно, с точки зрения Библии, на женщине лежит первородный грех, который привел к изгнанию из рая Адама и Евы. В средние века, особенно в Западной Европе, женщин значительно чаще, чем мужчин, обвиняли в связях с дьяволом, сжигали на кострах инквизиции. Главным их назначением было материнство, кроме того – служение, помощь мужу. За мужчиной закрепились сфера общественного труда, а за женщиной – домашнее хозяйство. Иерархия, которая кроется за этим разделением сфер влияния, определяла черты, предписываемые обществом мужчине и женщине. Маскулинными считались и до сих пор таковыми остаются властность, рациональность, надежность, сила, активность, стремление к лидерству. К фемининным отнесены эмоциональность, милосердие, жертвенность, интуиция, мягкость, заботливость. Автор разделяет точку зрения ученых, которые определяют данные представления как патриархальные. Они формировались в течение длительного времени и соответствовали доиндустриальному этапу развития общества. Столетиями патриархальные гендерные стереотипы успешно выполняли роль «дирижера» в отношениях между мужчинами и женщинами. С началом индустриальной эпохи стали возникать противоречия между новыми социально-экономическими условиями и стереотипными ожиданиями общества в отношении женщин. Новизна социокультурной ситуации проявлялась прежде всего в том, что все большее число мужчин, и особенно женщин, стали нарушать принципы дозволенного. Российское государство, будучи по сути глубоко патриархальным, достаточно жестко пыталось сохранить традиционные православные ценности. Законы, бюрократия, общественное мнение являлись носителями и защитниками устаревающих стереотипов. Началась борьба, которая продолжается до сих пор и является составной частью так называемого «женского вопроса». Однако это не означает, что патриархальные представления себя полностью изжили и не выполняют свои функции.

Стереотипы отражают и одновременно формируют ценности и идеалы общества, участвуют в формировании сознания людей; стереотипизация сознания, со своей стороны, во многом помогает адаптации человека к жизни. Архивы сохранили документы, которые свидетельствуют о комфортном психологическом состоянии, органичной жизнедеятельности людей в рамках патриархальных гендерных стереотипов. Они не мешали им любить, жить счастливо, быть высоконравственными людьми. Яркий пример

тому – история отношений молодых людей, которые жили во второй половине XIX века во Владимирской губернии.

В 1867 г. состоялось обручение Екатерины Галиктионовны Миндовской и Алексея Ирадионовича Журова, принадлежавших к известным в Шуйском уезде купеческим семьям. Сватовство оказалось очень удачным, между женихом и невестой возникло глубокое, искреннее чувство, которое во многом переменяло их жизнь. В течение трех с половиной месяцев между помолвкой и свадьбой они вели переписку, позволяющую увидеть, как рождалось и крепло их чувство. Письма молодых людей отразили те стереотипы, которые существовали в обществе.

В своих письмах Алексей Журов предстает человеком, способным глубоко чувствовать, переживать и выражать эмоции. Уже в первых посланиях невесте он описывает свои надежды, связанные с браком, подчеркивает те качества, которые, на его взгляд, наиболее важны: «Милая моя нареченная Невеста Екатерина Галактионовна! ... Мне кажется, что я счастлив, как теперь, не был. Я надеюсь, что наша жизнь будет светла и отраднa. Ваше безграничное упование на Бога не останется без награды...» [3, л. 190] Фраза жениха о набожности невесты явно одобрительна. Её безграничная вера в Бога рассматривается им как достоинство, это качество совпадает с внутренним душевным настроением Алексея, его представлениями об идеальной женщине. А.И. Журов вырос в старообрядческой семье и, конечно, христианские ценности были для него главными.

14 июля 1867 г. в дом Миндовских от жениха приходит письмо, в котором он благодарит Екатерину Галактионовну за подарок – карточку и кольцо. Алексей Ирадионович особенно рад полученной фотографии, доставляющей «...мне удовольствие постоянно видеть Вас. А то мне было очень скучно, особенно потому, что воображение мое затруднялось представить Ваш образ. Это от того, что я очень мало видел Вас» [3, л. 191]. Совершенно очевидно, что жених видел свою нареченную один, максимум два раза. Первое впечатление, очевидно, было благоприятным, но узнать друг друга молодые не успели и поэтому в письмах вплоть до их следующей встречи, которая состоялась только в сентябре, присутствует некий идеальный образ мужа и жены, жениха и невесты. Этот образ вполне стереотипен для своего времени и того социального слоя, к которому принадлежали молодожены. Ситуация сватовства, когда молодые не видели друг друга, является типичной для патриархального уклада. Хорошо, если в жизни Катенька окажется близкой к этому образу-идеалу (как и случилось у Журовых), а если нет? Известно, что несовпадений стереотипных представлений о муже и жене с реальными людьми было очень много.

Алексей Ирадионович в своих письмах очень тактичен, деликатен в отношении Кати. Главная моральная ценность для него – уважение супругов, на втором месте – любовь и преданность [3, л. 191]. Но самым важным для понимания идеального представления о жене является образ Ангела-хранителя: «...Теперь я очень рад, я очень счастлив, что будущее сулит мне тихую, безмятежную жизнь. Я надеюсь, моя милая, что Вы скрасите мою жизнь, я же с своей стороны употреблю все силы, чтобы осуществить свои мечты... Прощайте, моя миленькая невеста, я очень рад, что пишу к Вам, целую Вас, моего Ангела. Истинно любящий Алексей Журов» [3, л. 195]; «Я твердо уверен что Он [Бог] дарует мне в Вас Ангела Хранителя» [3, л. 191]; «...целую Вас, мой Ангел» [3, л. 194]. Ангел сохранит, согреет, «обеспечит тихую, безмятежную жизнь». Ангел-хранитель – это одна из главных ролей женщины с точки зрения христианской морали. Она сродни материнству, но об этом – может быть о главном, пока ни слова. Молодые люди были полны теми чувствами, которые их охватили, они как будто готовят себя и друг друга к будущей жизни.

С точки зрения Алексея, жена должна быть не только набожной, доброй, но она должна обладать качествами, которые могут вызывать чувство гордости. Пусть эти качества и не столь существенны и принципиальны: «Я попрошу Вас писать больше и

чаще. Вы очень мило пишете. Я горжусь Вашим почерком, Вы пишете лучше моего» [3, л. 192]. Молодой человек признал невольно маленькое превосходство, но тут же пытается оправдаться: «Впрочем, я могу писать лучше этого, но очень несвободно. Прошу извинить».

В начале сентября 1867 г. умер Галактион Иванович Миндовский. Алексей в письме выражает соболезнование по поводу смерти отца Кати: «Очень жаль, что Бог не привел ему окончить начатое дело и порадоваться нашему полному счастью, он так любил Вас... Но видно, на все Его святая воля. Положитесь на его милосердие. Я со своей стороны скажу Вам, что буду Вашим лучшим другом и отцом. Милая моя! Я более и более люблю и уважаю Вас и надеюсь на Бога... Прощайте, мое милое дитя, и молитесь Богу. Он не оставит нас своей милостью» [3, л. 200]. Представления А. Журова о той поддержке, которую он должен оказать своей невесте, в полной мере отражают гендерные стереотипы патриархального общества. Идеальный мужчина в трудную минуту ощущает себя одновременно другом, отцом и женихом своей избранницы. Алексей Ирадионович понимает, что после свадьбы, а в данном случае в связи со смертью отца раньше, всю ответственность за девушку берет на себя муж-жених. Он является для нее утешителем, защитником, опорой в жизни.

10 сентября 1867 г. А. Журов, наконец, закончил дела на ярмарке в Нижнем Новгороде и сразу поехал к своей невесте. Видимо, долгожданное свидание оправдало надежды молодых людей. Первое же письмо жениха после этой встречи наполнено теплом, любовью и нежностью. Появляется новое обращение. Вместо имени и отчества Алексей пишет: «Милая моя Катенька!» Он обращается к невесте без «величания» с ее разрешения и это доставляет ему видимое удовольствие. «Я никогда не был так счастлив, как теперь... Будущее наше представляется мне в самом чистом, безоблачном виде. Я уверен, моя милая, что Вы оправдаете мои надежды, Вы осуществите мой идеал. Я со своей стороны скажу Вам, что все мои силы, все мои средства будут употреблены на то, что б Вы были счастливы.

Ваше счастье будет соответственно моим счастьем, Ваше спокойствие – мое спокойствие. Вот Вам истинное выражение моих чувств», – пишет Алексей Е. Миндовской из Шуи [3, л. 202].

После второй встречи письма жениха приходят в дом Миндовских чаще, они описывают чувства возвышенные и нежные: «...как люблю я тебя, моя радость. Будь ты мне мила на всю жизнь мою, будь ты мне радостью до гробовой доски» [3, л. 203].

Очевидно, после первого знакомства с невестой у А. Журова появилась надежда на любовь, но еще не само чувство. После второго свидания письма уже полны не просто юношеских пылких мечтаний, но говорят о настоящем чувстве. Характерна подпись в письме от 17 сентября: «...глубокополюбивший Вас Алексей Журов» [3, л. 203].

26 октября 1867 г., за два дня до венчания Алексей Ирадионович пишет Кате: «Милая Невеста моя Екатерина Галактионовна! Это последнее мое письмо к тебе как невесте. В этом слове много поэзии, я произношу его всегда с большим удовольствием... Я жду Вас, моя ненаглядная, моя радость, моя жизнь, мой друг, моя Голубица, жду с самыми светлыми надеждами на будущее, с самой горячею любовью и с готовыми объятиями.

До свидания, моя милая Невеста, мой ангел-хранитель, целую тебя, жду тебя» [3, л. 212].

Первое письмо Екатерина Галактионовна после помолвки начинала словами: «Милый, Богом Данный Мой Жених Алексей Ирадионович!» [3, л. 213]. Невеста сетует в переписке, что не успевает отвечать на все письма жениха. Ее послания более краткие

и сдержанные, в них нет той открытости, которая присутствует в письмах Алексея. Катя благосклонно принимала изъявления чувств в свой адрес, но сама достаточно долго искренних эмоций не выражала. В отношениях жениха и невесты ясно прослеживается стереотипная оппозиция активного мужского и пассивного женского начал.

Из писем явствует, что девушка все делает с благословения родителей: надевает кольцо, подаренное женихом, отправляет ему подарки, пишет письма. В отношениях с внешним миром женская самостоятельность полностью отсутствует. Первое место в содержании писем невесты занимают «Папашинька и Мамашинька». Катя постоянно беспокоится о здоровье отца, скучает без него [3, л. 216, 218, 220]. Очевидно, что он занимал в жизни девушки определяющее место.

Отношения с отцом сформировали в сознании дочери стереотип почитания мужчины, который символизировал порядок, процветание, благополучие семьи. С появлением жениха, особенно после смерти отца, ее жизнь полностью зависит от его воли, добропорядочности, любви. В Алексее сосредоточен весь мир Катеньки: «...Да, Бог послал Вас для моего счастья, оттого-то Вы так неодолимо владычествуете надо мною, оттого-то из Ваших взоров, из Ваших слов, я получаю такое неописанное блаженство. Я теперь чувствую, что любовь к Вам сделалась единственной потребностью души моей. Все мои желания сосредоточиваются в Вас» [3, л. 221]. Характерно, что и после второй встречи, которая принесла молодым людям настоящую любовь, Катя продолжает в письмах «величать» жениха по имени-отчеству и на «Вы», в то время как Алексей Ирадионович зовет свою нареченную невесту «Катенька» и позволяет иногда обращаться к ней на «ты» [3, л. 220, 221].

Екатерина Миндовская оправдала надежды и мечты своего жениха, стала воплощением христианского идеала женщины. В семье Журовых родились дети, Екатерина Галактионовна прекрасно вела хозяйство, так как была приучена к этому с детства, была верна своему мужу. Патриархальные стереотипы, сформировавшие сознание Алексея и Кати, в определенной степени облегчили построение их семьи.

Вместе с тем, во второй половине XIX века далеко не все женщины столь комфортно чувствовали себя в рамках патриархальной системы отношений. Для некоторых эти рамки были тесны, и они всячески стремились из них вырваться. Для таких женщин стереотипное мышление окружающих становилось подчас непреодолимой преградой в построении своей жизненной стратегии.

Елизавета Александровна Дьяконова родилась в 1874 г. в купеческой семье в г. Нерехте Костромской губернии. Отец рано умер, и семья переехала в Ярославль. Лизу устроили в женскую гимназию при Сиротском доме. Мать была женщиной строгой, капризной, поэтому обстановка в доме была сложной. Материальное положение Дьяконовых было достаточно прочным. После смерти отца дети получили свою долю наследства, по достижению совершеннолетия они имели право распоряжаться деньгами по своему усмотрению.

Лиза, как и ее сестра Валя и братья, много читала, она «рано познакомилась с запрещенной литературой, которую приносил репетитор ее брата, студент юридического лица» [2, с. 80]. Окончив гимназию с серебряной медалью, Елизавета Дьяконова решила поступить на Высшие женские курсы. Мать была категорически против. Она имела стойкое предубеждение против учебы, считая, что там учатся только девушки легкого поведения. По мнению матери, имея состояние, девушка не должна была учиться, ей следовало «сидеть дома и ждать женихов» [1, с. 13]. То есть, с точки зрения существовавших стереотипов, учеба, получение профессии могли рассматриваться как жизненная стратегия только в том случае, если нет приданого, нет средств к

существованию. В противном случае девушке была уготована традиционная жизненная модель: семья, дети, хозяйство. Лишь достигнув совершеннолетия и проявив «неженскую» настойчивость, Елизавета стала слушательницей женских курсов в Петербурге.

Дневник, который писала девушка, содержит ее чувства и размышления этого периода. «Во имя чего лишали меня права учиться далее? – задает вопрос Лиза. – Мальчика отпустили бы с радостью и гордостью, девушку – не тут-то было! Ей – и учиться нельзя, и курсы – вроде публичного дома, и у нее есть средства для замужества, словом – понятия о женщине самые рабские, и я испытала на себе всю их прелесть» [1, с. 112]. Ясно, что стереотипные представления о женщине, которые были характерны для купечества, для матери Елизаветы, были совершенно чужды юной девушке. Впитав передовые демократические идеи, Е. Дьяконова стремилась реализовать их в своей жизни. Ее мечтой было служение простым людям, судьба сельской учительницы. Девушку возмущали женщины, загнанные в пресловутые рамки женского предназначения. Слушая в больнице разговоры соседок по палате, Лиза записывает в своем дневнике: «Несчастный женский ум! Абсолютная пустота, заполняемая областью половых отношений: муж, дети, и в привязанности этой – ни капли духовности» [1, с. 138]. В другой ситуации она осуждает себя: «Что за глупые создания мы, женщины! Неисправимы! Слезы и нервы – очевидно прирожденные средства нашего пола» [1, с. 45]. Стереотипы живут в Лизином сознании, они прорываются на страницы дневника, несмотря на то, что девушка стремится вырваться из их рамок.

После окончания в 1899 г. Высших женских курсов перед Е. Дьяконовой встал вопрос о дальнейшей практической деятельности. Она решает посвятить себя юриспруденции, добивается приема у министра юстиции, но получает отказ: женщинам не разрешается заниматься адвокатурой. Для получения полноценного юридического образования в 1900 г. Елизавета Александровна едет во Францию и поступает на юридический факультет Сорбонны. Жизнь за границей оказалась нелегкой – недоедание, плохие квартирные условия, обострившаяся болезнь. Врачи рекомендовали Е.А. Дьяконовой вернуться на родину, но по дороге в Россию 11 августа 1902 г. ее жизнь оборвалась [2, с. 81].

К сожалению, талантливая девушка Лиза Дьяконова не смогла превозмочь обстоятельства. Но ей удалось очень многое: она публиковала в газетах статьи, оставила две книги, которые и спустя десятилетия представляют интерес, прекрасно читаются, являются ценным историческим источником, повествующим нам о чувствах, мыслях, поступках русской девушки, пытавшейся вырваться из плена гендерных стереотипов.

Таким образом, можно сделать вывод, что во второй половине XIX века гендерные стереотипы поддерживали, охраняли существовавший социальный порядок. Несмотря на социокультурные изменения, имевшие место в обществе в пореформенный период, подавляющее число россиянок отводило женщине вторичное, подчиненное место, закрепляя за ней материнскую функцию, сферу приватной жизни, роль домохозяйки. Очень часто попытки женщин сломать стереотипы заканчивались конфликтом личности с обществом, личной драмой. Не хотелось бы думать, что это и есть единственный путь преобразования социокультурных стереотипов в российском обществе.

Библиографический список

1. Дневник Елизаветы Дьяконовой: На высших женских курсах (1895 – 1899 гг.). 2 изд. СПб., 1905.
2. Евстратова А.И. Женщины российской провинции: (Дьяконова Елизавета Александровна) // Феминология: методология исследования и методика преподавания: Тез. докл. всерос. научн. – метод. конф. Иваново, 1996.

3. Ивановский государственный объединенный историко-революционный музей. Ф. 83159.
Л. 190 - 221.